

УДК 811.161.1'42
ББК 81 + 82

Р.В. Попов
Roman V. Popov

Северодвинск в зеркале своего языка

Severodvinsk in the Mirror of Its Language

Аннотация: Рассматривается специфически региональная лексика Северодвинска, неизвестная или малоизвестная в других российских городах, представленная двумя типами единиц: регионализмами и локализмами.

Ключевые слова: язык города; региональная лексика города; типы региональных единиц; регионализмы; локализмы; микротопонимы.

Abstract: This paper deals with specific regional lexicon of the Severodvinsk notion and the ones which are not widely used in a population of Russia. Specific regional meanings of urban dialectisms, localisms in Severodvinsk are described.

Keywords: city language; regional lexicon of the city; types of region units; urban dialectisms; localisms; microtoponyms.

В работах исследователей «языка культуры», разделяющих теорию Э. Сепира – Б. Уорфа, популярен тезис о том, что в каждом языке концептуализируется свое представление об устройстве мира. «Язык как бы отражает общие представления всех говорящих на нем людей» [Плунгян, 2012, с. 196]. И поскольку культура, обычаи, традиции у разных народов неодинаковы, постольку «картина мира» в разных языках не совпадает. Может ли различаться «картина мира» у представителей одного народа? На этот вопрос утвердительно отвечают исследователи диалектной картины мира: «Говоры отдельных регионов <...> являются богатым материалом в отношении воплощения в них особенностей регионального мировидения. <...> Диалектоноситель отражает в своей речи специфические черты процесса познания мира, особенности его концептуализации и отражения в языке» [Тимченко, 2016, с. 27–28]. В последнее время интерес к народным говорам как «нишам хранения своеобразия национальных картин мира» [Брысина, 2003, с. 5] заметно растет.

Но в настоящее время традиционные сельские диалекты уже практически вытеснены региолектами, представляющими собой «особый переходный тип между диалектом, наречием, с одной стороны, и просторечием, жаргоном, с другой» [Герд, 1998, с. 21]. При этом «диалекты не умирают, а трансформируются в региолекты»

[Герд, 2001, с. 22–23]. Следовательно, способность диалектов отражать специфичность мировосприятия, мироощущения жителей определенной территории передается «по наследству» региолектам.

Хотя региолекты, в отличие от говоров, имеют повсеместное распространение на всей территории той или иной области, включая сельские поселения, ярче всего они представлены в языках городов, являются их важной региональной составляющей. У людей, живущих в одной области, в одном городе формируется свое видение мира и «особый тип языкового состояния» [Там же, с. 23]. Таким образом, локальная (то есть свойственная какому-либо одному городу) и региональная лексика города – это своего рода зеркало, в котором отражаются те представления о мире, которые жителям города и региона в целом кажутся наиболее важными. Именно поэтому они и закрепляются в специфических языковых единицах – локализмах и регионализмах. Термины «регионализм» и «локализм» большинство лингвистов синонимизируют, но, на наш взгляд, их полезно развести, во всяком случае, указать на более сложный и неоднозначный характер их взаимоотношений. Под регионализмами понимается лексика, «употребление которой ограничено одним или несколькими географическими ареалами» [Ахметова, 2014, с. 156].

Н.А. Прокуровская в книге с характерным названием «Город в зеркале своего языка» (использованным в заголовке нашей публикации) справедливо пишет о том, что в современном городе в «условиях естественного, неофициального и непосредственного контакта говорящих» взаимодействуют «живая старина и творимая реальность, отголоски прошлого и мощные побег в будущее; здесь – сплав языка, быта, сознания, культуры социума в их устоявшихся моментах. Изучить, обобщить, представить все это – насущная задача лингвистов» [Прокуровская, 1996, с. 6].

Выявление и изучение региональных и локальных городских наименований становится все более актуальным. Такого рода исследования позволяют не только установить отличия в повседневной бытовой жизни современных городов, но и обнаружить оригинальность мышления, особое мировидение жителей конкретного населенного пункта и региона в целом. При этом жители часто не осознают региональной специфики своей речи, ведь вокруг них все только так и говорят, и другие варианты словоупотребления им попросту неизвестны.

Описание специфичности языка того или иного города начинается с установления набора используемых в речи горожан языковых единиц с локальной и региональной окрашенностью, то есть с выявления наиболее интересных языковых фактов, позволяющих в той или иной степени судить об особом взгляде на мир жителей конкретного города.

Для словаря локальной и региональной лексики Северодвинска нами было отобрано около 800 слов и словосочетаний, характерных для речевого быта Северодвинска и неизвестных или малопонятных в других российских городах. Все языковые единицы связаны с повседневной жизнью, традициями и родом занятий северодвинцев, отражают особый менталитет, свойственный жителям города у Белого моря. В соответствии с задачами нашего словаря были определены заголовочные единицы. Обозначим их и приведем примеры.

1. **Микротопонимы** – неофициальные («народные») названия городских объектов – *Драмсарай*; *Стодвадцатка*; *Три поросёнка*, *Три тополя на Плющихе*, *Три колодца* – ‘три рядом стоящих одинаковых дома’; *Бомба*, *Бункер*, *Зелёнка* – ‘названия постоянных мест молодежных тусовок’ и т.д.

2. **Локализмы-апеллятивы** – специфически местные слова и значения, которые не встречаются вне Северодвинска и передают специфику жизни и быта **в нем**: *котлован* – ‘искусственный водоем, озеро’; *нашáевки* – ‘талоны на питание и продукты, выдаваемые вместо денег в период кризиса 90-х’ (от фамилии Д.Г. Пашаева – директора завода); *пони*, *поньки* – ‘маршрутные пригородные такси’ (первоначально – по названию фирмы «Пони-экспресс»); *пятнарики* – ‘о глуповатых, несообразительных людях’ (первоначально – об учениках спецшколы № 15); *роботы* – ‘рабочие фабрик’, *фабрики* – ‘судостроительные военно-оборонные предприятия’, *фонарики* – ‘угловые магазины с витринами, напоминающими уличный фонарь’ и под.

3. **Регионализмы** – слова, употребляющиеся в Архангельской области в целом, но не являющиеся повсеместно распространенными на территории России: *грабáлка*, *набáрушка* – ‘ручной комбайн для сбора ягод’; *дежурка* – ‘пассажирский пригородный поезд’; *мочóк I* – ‘тушенная в небольшом количестве воды и в масле рыба’; *мочóк II* – ‘использованный пакетик чая’; *пастик* – ‘стержень шариковой ручки’; *подвериться* – ‘перепроверить’; *халява* – ‘неряха’ и др.

4. **Неофициальные ойконимы** – «народные» названия Северодвинска, Архангельска и др. населенных пунктов области, бытующие в речи северодвинцев: *Севск*, *Севчик*, *Северопьянск*, *Двинск* – ‘Северодвинск’; *Арх*, *Архарá* – ‘Архангельск’; *Новик*, *Новск* – ‘Новодвинск’ и некоторые другие. За редким исключением такие «прозвища» городов также не выходят за пределы Архангельской области и близлежащих регионов.

Все локально-региональные единицы служат своеобразным паролем для северян – по знакомым словам они узнают своих за пределами города и области.

Таким образом, наш словарь составлен с учетом двух принципов, важных для правильного восприятия его текста. Он является дифференциальным и дескрип-

тивным, преимущественно словарем разговорной, стилистически сниженной речи, поскольку наш язык в основе своей общеупотребителен, а региональные лексические отличия, которые разнятся от местности к местности, появляются прежде всего в разговорно-обиходной речи.

Как видно из типологии специфически региональной лексики Северодвинска, нам представляется важным разграничение терминов «регионализм» и «локализм», поскольку они обозначают сходные, но, в сущности, разные понятия. К локализмам, как было сказано, относятся немногие специфически местные апеллятивы сугубо северодвинского происхождения, которые жители всей области могут и не знать. Кроме этого, к локализмам следует отнести микротопонимы. Большая часть таких названий известна в качестве собственных имен только в пределах конкретного микрорайона, реже – города, и абсолютно незнакома жителям области, не говоря уже о приезжих из других регионов. Поэтому отнесение микротопонимов именно к локализмам представляется оправданным.

В отличие от сельских диалектов, региолекты динамичны и подвижны, поэтому значительная часть городской лексики (в особенности микротопонимика) быстро устаревает. В нашем словаре устаревающие языковые единицы снабжаются пометой *уход.* («уходящее»), маркирующей как бытовые советизмы 1940–60-х (*Голубой Дунай, Лимитный*), так и относительно «свежие» историзмы (*Алики, Примус*), которые еще живы в языковой памяти многих горожан. Таким образом, в словаре фиксируются микротопонимы, характеризующие жизнь города в разные периоды его существования.

Отобранные нами лексические региональные единицы оказались довольно разнообразны по своему тематическому составу, разношерстны в социальном отношении. Их объединяет, как уже говорилось, то, что большая часть слов относится к разговорной речи. А среди коллоквиализмов немало грубоватых, сниженных языковых единиц. Можно по-разному относиться к подобным номинациям, но надо учесть, что они возникают в народной речи как своеобразная речевая реакция на какие-либо события в жизни города, как потребность зафиксировать важные для языкового сознания горожан признаки местных реалий, чем они и интересны лингвистам. Особенно это касается таких обидных названий, как *Свинск, Северопьянск, Шампур, Шаилык* – ‘монумент «Мир и труд» на пл. Пашаева; пилоны монумента напоминают шампур, а расположенные у основания пилонов скульптурные фигуры строителей и рабочих – нанизанное на шампур мясо, отсюда ассоциации с шашлыком; *фам.-шутл.*’

Однако, как считает В.И. Жельвис, «инвективное глумление не только не свиде-

тельствует о том, что для говорящего нет ничего святого, но как раз об обратном: о неосознаваемом им самим глубоким преклонении перед поносимым сакральным понятием» [Жельвис, 1990, с. 22–23]. Эта мысль справедлива по отношению ко многим включенным в словарь фамильярным микропонимам: «снижению общественного статуса в речи (и, как следствие, самовозвышению говорящего) подвергаются лишь социально значимые в глазах собеседников явления» [Марочкин, 1995, с. 72].

Подчеркнем, что в нашем словаре все лексические единицы, находящиеся ниже «стилистического нуля», имеют ограничительные пометы: *сниж.* («сниженное»), *груб.* («грубое»), *жарг.* («жаргонное») и т.п., которые предостерегают от употребления таких слов.

Обратим внимание на еще одну важную особенность нашего издания. Как известно, специфичность языков российских городов создается, в основном, за счет ономастики – микропонимов. В Северодвинске это, например, уже упоминаемые жилые дома: *Три поросенка*, *Три тополя на Плющихе*, *Три колодца* и др. Свои специфические микропонимы есть во всех населенных пунктах. Однако сравнение топонимиконов разных городов обнаруживает в их составе и существенную общую часть. Например, такие номинации, как *Белый дом* – ‘здание администрации’, *Шанхай* – ‘окраина, район частной застройки’, *Китайская стена* – ‘длинный многоподъездный дом’, повторяются в языке различных городов.

«Все это наводит на мысль, что перед нами не разные сочетания, а одно, выступающее в языках разных городов в своих конкретно-предметных (референтных) значениях, которые являются региональными, понятийное же содержание у них носит общеязыковой характер» [Попов, 2015, с. 81]. Другими словами, перед нами не проявление региональной омонимии или полисемии, а слова или словосочетания, которые имеют **широкое** значение, иначе – характеризуются «полиреферентностью» (В.В. Химик), то есть принципиальной открытостью ряда объектов, соотносимых с конкретной лексической единицей. В словаре частные значения таких слов и словосочетаний даются после общего широкого толкования и нумеруются цифрами с круглой скобкой:

ТРИ ПОРОСЁНКА. Общее название трех однотипных или смежных домов (одинаковых, как сказочные поросята):

- 1) Ломоносова, 92, 94 и 96...
- 2) Бутомы, 2 (части дома воспринимаются как три смежных здания)...
- 3) Бутомы № 16, 18, 32...
- 4) Арктическая 2а, 2б, 2в; то же, что *Три тополя на Плющихе*...
- 5) Октябрьская, 27, 33, 43...

Подобное построение словарной статьи полиреферентных слов впервые предложил В.В. Химик [Химик, 2004]; ему же принадлежит идея лексикографического разграничения многозначных и полиреферентных слов.

Таким образом, частные значения широкозначных слов «варьируют и уточняют общее семантическое содержание слова, отличаясь конкретными употреблениями, количество которых может быть довольно большим, а множество – открытым, постоянно пополняемым в живой речи» [Химик, 2017, т. 1, с. 12].

В нашем словаре есть и такие названия, которые в пределах микрорайона выполняют роль имени собственного, а в рамках языка города в целом являются именами нарицательными (Ср.: *Молочка* – ‘молочная кухня на пр. Ленина, 13’ и *молочка* – ‘вообще любая молочная кухня’.) Перед составителем словаря городской речи встает вопрос адекватной подачи этой особенности данных единиц. Мы вводим в их словарные статьи ремарку *в знач. имени собств.*, что, как нам кажется, решает проблему лексикографического показа разных функций таких апеллятивов в языке города: **музыкалка**, -и, ж., *в знач. имени собств.* Музыкальная школа, любая из расположенных на ул. Бойчука, К. Маркса, Нахимова (*микрорайон*).

Итак, специфически местная составляющая языка города представлена основными единицами региолекта – **регионализмами** (в их состав входят как апеллятивы, так, например, и неофициальные ойконимы), а также единицами городского языка – **локализмами**, фонд которых формируется главным образом за счет микропонимов и немногих нарицательных имен.

Библиографический список

Ахметова М.В. Лексические регионализмы и локализмы в русскоязычном Интернете // Русский язык и новые технологии / под ред. М.В. Ахметовой, В.И. Беликова. – М.: Новое литературное обозрение. – 2014. – С. 155–171.

Брысина Е.В. Этнолингвокультурологические основы диалектной фраземики Дона: автореф. дисс. ... д-ра. филол. наук. – Волгоград. – 2003.

Герд А.С. Введение в этнолингвистику: курс лекций и хрестоматия. – СПб.: СПб. университет. – 2001. – 488 с.

Герд А.С. Диалект – региолект – просторечие // Русский язык в его функционировании: тезисы докладов международной конференции (III Шмелевские чтения). – М.: Наука. – 1998. – С. 20–21.

Жельвис В.И. Эмотивный аспект речи. Психолингвистическая интерпретация речевого воздействия. – Ярославль: Изд-во ЯрГУ. – 1990. – 81 с.

Марочкин А.И. Эмоциональная лексика молодежного жаргона // Язык и эмоции. – Волгоград: Перемена. – 1995. – С. 69–75.

Плунгян В.А. Почему языки такие разные. – М.: АСТ-Пресс Книга. – 2012. – 272 с.

Попов Р.В. Городские диалектизмы Северодвинска // Проблемы концептуализации действительности и моделирования языковой картины мира: материалы VII Международной

научной конференции (10 сент. – 10 окт. 2015 г., Москва, Северодвинск). – Вып. 7: сб. науч. трудов / отв. ред.: Т.В. Симашко. – М.: БИБКОМ. – 2015. – С. 79–85.

Прокуровская Н.А. Город в зеркале своего языка: На языковом материале Ижевска: монография. – Ижевск: Удмуртский университет. – 1996. – 224 с.

Тимченко А.Г. Вербализация семиотических оппозиций в русских говорах Красноярского края: дисс. ... канд. филол. наук. – Красноярск. – 2016.

Химик В.В. Большой словарь русской разговорной экспрессивной речи. – СПб.: Норинт. – 2004. – 762 с.

Химик В.В. Толковый словарь русской разговорно-обиходной речи: в 2 т. – СПб.: Златоуст. – 2017. – I т. – 528 с.; II т. – 532 с.

References

Ahmetova M.V. Leksicheskie regionalizmy i lokalizmy v russkoyazychnom Internetе // Russkij yazyk i novye tekhnologii / pod red. M.V. Ahmetovoj, V.I. Belikova. – М.: Novoe literaturnoe obozrenie. – 2014. – S. 155–171.

Brysina E.V. Etnolingvokulturologicheskie osnovy dialektnoj frazemiki Dona: avtoref. diss. ... d-ra. filol. nauk. – Volgograd. – 2003.

Gerd A.S. Vvedenie v ehntolingvistiku: kurs lekcij i hrestomatiya. – SPb.: SPb. universitet. – 2001. – 488 s.

Gerd A.S. Dialekt – regiolekt – prostorechie // Russkij yazyk v ego funkcionirovanii: tezisy dokladov mezhdunarodnoj konferencii (III SHmelevskie chteniya). – М.: Nauka. – 1998. – S. 20–21.

Zhel'vis V.I. Emotivnyj aspekt rechi. Psiholingvisticheskaya interpretaciya rechevogo vozdejstviya. – YAroslavl': Izd-vo YArGU. – 1990. – 81 s.

Marochkin A.I. Emocional'naya leksika molodezhnogo zhargona // Yazyk i ehmocii. – Volgograd: Peremena. – 1995. – S. 69–75.

Plungyan V.A. Pochemu yazyki takie raznye. – М.: AST-Press Kniga. – 2012. – 272 s.

Popov R.V. Gorodskie dialektizmy Severodvinska // Problemy konceptualizacii dejstvi-tel'nosti i modelirovaniya yazykovej kartiny mira: materialy VII Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii (10 sент. – 10 okt. 2015 g., Moskva, Severodvinsk). – Vyp. 7: sb. науч. трудов / отв. ред.: Т.В. Симашко. – М.: БИБКОМ. – 2015. – С. 79–85.

Prokurovskaya N.A. Gorod v zerkale svoego yazyka: Na yazykovom materiale Izhevskaja: monografiya. – Izhevsk: Udmurtskij universitet. – 1996. – 224 s.

Timchenko A.G. Verbalizaciya semioticheskix oppozicij v russkix govorah Krasnoyarskogo kraja: diss. ... канд. филол. наук. – Krasnoyarsk. – 2016.

Himik V.V. Bol'shoj slovar' russkoj razgovornoj ehkspressivnoj rechi. – SPb.: Norint. – 2004. – 762 s.

Himik V.V. Tolkovyj slovar' russkoj razgovorno-obihodnoj rechi: v 2 t. – SPb.: Zlatoust. – 2017. – I t. – 528 s.; II t. – 532 s.